На правах рукописи

Филей Татьяна Владимировна

СПЕЦИФИКА ФУНКЦИЙ ФРАЗЕОЛОГИИ В РУССКОЙ ДРАМАТУРГИИ 1850–1860-х ГОДОВ (НА МАТЕРИАЛЕ ПЬЕС А.Н. ОСТРОВСКОГО, А.Ф. ПИСЕМСКОГО, А.В. СУХОВО-КОБЫЛИНА)

10.02.01 – русский язык

АВТОРЕФЕРАТ

диссертации на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Саранск – 2022

Работа выполнена на кафедре русского языка ФГБОУ ВО «Национальный исследовательский Мордовский государственный университет им. Н.П. Огарева»

Научный руководитель: доктор педагогических наук, доцент **Киржаева Вера Петровна**

Официальные оппоненты:

Ломакина Ольга Валентиновна, доктор филологических наук, профессор, ФГБОУ ВО «Московский государственный педагогический университет», кафедра русского языка Института филологии, профессор;

Пименова Марина Васильевна, доктор филологических наук, профессор, ФГБОУ ВО «Владимирский государственный университет имени Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых», кафедра русского языка, заведующий кафедрой

Ведущая организация:

ФГБОУ ВО «Башкирский государственный университет» (г. Уфа)

Защита состоится «23» июня 22 г в 11 г на заседании диссертационного совета Д 999.061.03, созданного на базе ФГАОУ ВО «Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского», ФГБОУ ВО «Нижегородский государственный педагогический университет им. К. Минина», ФГБОУ ВО «Национальный исследовательский Мордовский государственный университет им. Н.П. Огарева», по адресу: 603000, г. Нижний Новгород, ул. Б. Покровская, 37.

С диссертацией можно ознакомиться в фундаментальной библиотеке ФГАОУ ВО «Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского» по адресу: 603950, г. Нижний Новгород, пр. Гагарина, 23 – и на официальном сайте https://diss.unn.ru

Автореферат разослан «____» _____ 2022 года

Ученый секретарь
диссертационного совета Юхнова Ирина Сергеевна

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Диссертационное исследование посвящено выявлению и лингвистическому описанию функций фразеологии в драматургии А.Н. Островского, А.Ф. Писемского и А.В. Сухово-Кобылина как специфики идиостиля драматурга.

Антропоцентрический подход предполагает рассмотрение языка художественного произведения как феномена индивидуально-авторского творчества. Фразеологические единицы, наиболее «антропоемкие» (В.Н. Телия) компоненты идиостиля писателя, становятся символами, знаками авторского замысла, формулируют авторскую позицию и транслируют её читателю.

Интерес к исследованию фразеологии и – шире – языка драматургии обусловлен непосредственным коммуникативным характером драматического слова, которым герои «откликаются на развертывание событий, а также воздействуют на их дальнейшее течение» [Хализев 1986: 42, 43]. Язык драмы – это язык действия, слова персонажей всегда направлены на реализацию определённой цели, подчинённой драматическому действию. Не менее существенна в контексте нашей работы и идея исторической значимости драматургии: ориентируясь на бытовую и психологическую достоверность, она выступает и «как своеобразное зеркало современной жизни, и в качестве хранителя богатейшей традиции» [Хализев 1986: 103]. Показательно, что значимость её осознаётся и драматургами. Так, А.Н. Островский говорил о доступности театрального зрелища и контакте актёра, а через него и драматурга с аудиторией, что обеспечивает его массовость и силу эмоционального воздействия на широкие слои общества [Островский 1978].

В национальной русской драматургии XIX века знаковыми фигурами являются А.Н. Островский, А.Ф. Писемский и А.В. Сухово-Кобылин, чьи пьесы по значимости ставятся в один ряд с драматургией А.С. Грибоедова и Н.В. Гоголя и определяются не просто как театральный репертуар, а как заметные явления в литературе [см.: Мирский; Журавлева 1988]. Очевиден интерес к их творчеству и

исследователей, критиков, а по отношению к А.Н. Островскому и А.В. Сухово-Кобылину – читателей и зрителей XX – начала XXI века.

Большой корпус фразеологии в каждом исследуемом произведении указывает на осознанную установку авторов в их использовании, на ту роль, которая отводится этим языковым средствам в реализации авторского замысла. Именно поэтому выявление и описание в общей системе функций фразеологии функций специфических позволяет дополнить представление об идиостиле драматургов, а анализ экстралингвистического содержания фразеологической семантики – показать специфику национального мировидения, аксиологию мира русского крестьянства, купечества и чиновничества предреформенной России XIX века.

Именно этим обусловлена **актуальность** данной работы.

Объектом исследования является фразеологический состав языка драматургии 1850–1860-х годов. Всего проанализировано 719 единиц. Фразеологические доминанты, основные фразеосемантические группы (ФСГ) и функции фразеологии в драматическом тексте являются **предметом исследования**.

Источниками фактического материала стали драма А.Н. Островского «Гроза» (1859), драма А.Ф. Писемского «Горькая судьбина» (1859) и трилогия А.В. Сухово-Кобылина «Картины прошедшего» («Свадьба Кречинского», 1854, «Дело», 1861, «Смерть Тарелкина», 1869). Материалы исследования включают лексикографические источники XIX – начала XXI века (толковые, фразеологические и историко-лингвистические словари, словари паремий, крылатых слов, языка писателя), данные Национального корпуса русского языка.

Цель исследования состоит в выявлении функционального потенциала фразеологии, а также определении специфических функций фразеологических единиц (далее – ФЕ) в контексте реализации идиостиля А.Ф. Писемского, А.Н. Островского и А.В. Сухово-Кобылина.

Цель исследования определила следующие конкретные **задачи**:

1) определив объём понятий «фразеология» и «фразеологизм» с учётом разных научных подходов к границам фразеологии, провести сплошную выборку ФЕ в указанных произведениях А.Ф. Писемского, А.Н. Островского и А.В. Сухово-Кобылина;

2) выявить ФЕ, являющиеся смысловыми доминантами в драматическом произведении;

3) показать роль ФЕ в качестве сильной позиции текста;

4) провести семантический анализ ФЕ и описать основные ФСГ;

5) выделить трансформированную и авторскую фразеологию, определить степень её участия в реализации специфических функций в исследуемых произведениях и в зависимости от этого описать способы преобразований;

6) охарактеризовать общеязыковые, общеречевые и специфические функции фразеологии в драматических произведениях.

Теоретическую и методологическую базу диссертации составили труды лингвистов, исследующих общие вопросы фразеологии и паремиологии (В.В. Виноградов, А.В. Кунин, И.И. Чернышёва, В.Л. Архангельский, Л.И. Ройзензон, Ю.Ю. Авалиани, В.М. Мокиенко, А.И. Федоров, В.Н. Телия, А.М. Мелерович, А.Н. Баранов, Д.О. Добровольский, М.В. Пименова), исследования, посвящённые ключевым словам и ФЕ как элементам сюжетообразования (И.Р. Гальперин, Н.А. Николина, Л.Н. Чурилина, А.Б. Есин, А.А. Зализняк, И.Б. Левонтина, А.Д. Шмелев, М.А. Фокина, О.В. Ломакина, В.А. Лукин), анализу авторской фразеологии и паремиологии, в том числе в аспекте её трансформаций (А.Г. Ломов, Н.Г. Михальчук, Е.И. Селиверстова, О.В. Ломакина, А.В. Поселенова, Л.С. Наградова, А.В. Овсянникова, Т.В. Ренская, Т.С. Гусейнова, Ю.В. Архангельская, Е.С. Кривецкая, И.Н. Куклина, Е.Н. Ермакова, А.М. Мелерович), анализу гротеска и гротескного образа (М.М. Бахтин, В.Э. Мейерхольд, Б.М. Эйхенбаум, Л.Е. Пинский, С.М. Эйзенштейн, Ю.Б. Борев, С.Е. Юрков, Е.Н. Пенская, И.А. Бабенко).

Методы и приёмы исследования включают аналитико-описательный метод, предусматривающий непосредственное наблюдение, систематизацию и обобщение ФЕ, используемых в драматических текстах; метод компонентного анализа, способствующий осмыслению актуализации в конкретных контекстах ключевых лексем и специфики их употребления в составе ФЕ; метод контекстуального анализа, позволяющий выявить функции ФЕ в контекстуальном окружении; компаративный метод, позволяющий провести сравнение узуального использования ФЕ, фиксируемого лексикографией и Национальным корпусом русского языка, и их авторских трансформаций; метод сплошной выборки при отборе ФЕ; метод количественного анализа, позволяющий подтвердить адекватность сделанных в работе выводов.

В драматических текстах методом сплошной выборки выявлены ФЕ, определены наиболее частотные (ключевые) лексемы, отобраны ФЕ с ключевыми лексемами и распределены по ФСГ для дальнейшего анализа семантики и функций.

Степень разработанности проблемы. Язык драмы становился предметом исследования многих учёных, которые последовательно подчёркивают специфику использования слова в драматическом произведении [см.: Балухатый 1927, Гадышева 1995, Сагирян 1999, Ходус 2005, 2009, Голованева 2011, Сичинава 2019].

Антропоцентризм как доминирующая парадигма научных исследований концентрирует внимание исследователей на создателе художественного произведения, его мировоззрении и авторских установках и объясняет большое число работ по изучению идиостиля писателя, индивидуальных приёмов создания выразительности и образности. Эта проблема отражается и в исследованиях авторской фразеологии, в том числе в драматических текстах М. Горького, Н.В. Гоголя, И.С. Тургенева, А.П. Чехова, Л.Н. Толстого, А.Н. Островского, А.В. Вампилова и др. [см.: Хмелинина 1952, Красильникова 1953, Касьянов 1966, Нестеренко 1966, Бодрова 1968, Ломов 1998, Лаврушина 1999, Поселенова 1999, Ломакина 2006, Наградова 2011, Овсянникова 2012]. Исследователи выявляют

своеобразие использования ФЕ, трансформации ФЕ, авторские предпочтения в выборе фразеологических ресурсов и их функциональный потенциал.

Как показывает обзор научной литературы, фразеология А.Н. Островского становится предметом монографического описания [Ломов 1999, Наградова 2011], а материал драмы «Гроза» привлекается наряду с драматургией других авторов [см.: Поселенова 1999]; фразеология же драмы А.Ф. Писемского «Горькая судьбина» и трилогии А.В. Сухово-Кобылина ещё не анализировалась.

Несмотря на активный интерес исследователей к анализу фразеологии как средства стилеобразования, жанрообразования, текстообразования, сюжетообразования, концептообразования в русской литературе XIX века [см.: Н.Н. Баскакова, В.В. Леденёва, Е.Г. Ковалевская, О.В. Ломакина, А.М. Мелерович, Н.А. Николина, М.А. Фокина, М.С. Хабарова], не становилась предметом специального рассмотрения и специфика функций фразеологии в привлекаемых нами произведениях А.Н. Островского, А.Ф. Писемского и А.В. Сухово-Кобылина.

Таким образом, **научная новизна** данного исследования состоит в том, что впервые произведения А.Н. Островского, А.Ф. Писемского и А.В. Сухово-Кобылина проанализированы с точки зрения тех особенностей идиостиля каждого драматурга, которые определяются используемой в них фразеологией. В ходе анализа устанавливается, что употребление большого корпуса фразеологизмов в исследуемых произведениях является вполне осознанным. Выявленные специфические функции фразеологии в каждом драматическом тексте, важные для понимания смысла произведения, также описываются впервые. В исследовании предлагается модель анализа драматических произведений, в которой фразеологическому ресурсу отводится роль маркеров авторского замысла.

Выводы, сделанные в работе, позволяют расширить представления об идиостиле ведущих драматургов 1850–1860-х годов и о тех функциях фразеологии, которые ранее не учитывались при анализе языка драматических текстов.

Положения, выносимые на защиту:

1. В драматургии 1850–1860-х годов фразеология представлена в большом объёме. Наряду с общими функциями фразеологии (экспрессивно-образная, оценочно-характеризующая, кумулятивная, номинативная, сюжетообразующая, стилеобразующая, средство речевой характеристики персонажей), в каждом произведении фразеология выполняет специфические функции: функцию средства передачи эмоционального состояния героев, функцию маркеров движения сюжета, функцию средства создания гротескного образа.

2. Основная функция фразеологии в драме А.Ф. Писемского «Горькая судьбина» – трансляция эмоций и переживаний героев. Выявление и анализ доминантных ФСГ в речи персонажей позволяют раскрыть их характеры, определить отношение друг к другу, выявить особенности речевой ситуации.

3. В драме А.Н. Островского «Гроза» фразеология является сюжетообразующим элементом. Наиболее употребительные ФЕ с ключевыми словами *грех, беда, смерть* становятся маркерами развития сюжета. Основные ФСГ (*Бог/Господь, воля/неволя, жестокость/самодурство, сердце, любовь*) отражают особенности быта, жизни, мировоззрения купечества середины XIX века, изменение домостроевских понятий и обычаев.

4. В трилогии А.В. Сухово-Кобылина, жанр которой объединяет элементы трагикомедии, водевиля, народной комедии масок, фарса и др., фразеология включена в создание гротеска и гротескного образа персонажа, что и определяет специфику её функционирования. Основными способами такого включения становятся создание с помощью ФЕ семантико-стилистического разноречия (М.М. Бахтин) и трансформация фразеологии (наиболее часто – переосмысление и трансформация библейской фразеологии).

Теоретическая значимость работы состоит в том, что диссертационное исследование вносит определённый вклад в разработку теоретических вопросов филологической науки, в частности – анализа языка драмы. В работе представлены особенности идиостиля каждого драматурга, связанные с использованием ФЕ; с

учётом теории ФСГ проанализированы ФЕ, в которых заключён смысл драматического произведения, представлены фразеологические репрезентации мировидения русского крестьянства и купечества середины XIX века; проанализированы приёмы авторского включения ФЕ в создание эмотивной составляющей драмы, маркеров движения сюжета, гротескной образности.

Практическая ценность работы состоит в том, что полученный материал может использоваться при разработке вузовского учебного курса «Современный русский язык (Лексикология. Фразеология. Лексикография)», спецкурсов по русской фразеологии и лингвистическому анализу текста. Результаты исследования могут использоваться в лексикографической практике при составлении словарей языка писателей, а также при изучении идиостиля других русских писателей.

Апробация работы. Основные положения и результаты диссертационного исследования были обсуждены на заседаниях кафедры русского языка Мордовского государственного университета, изложены в докладах на следующих международных и всероссийских научных и научно-практических конференциях: «XVII Международная конференция студентов, аспирантов и молодых ученых “Ломоносов”» (Москва, МГУ им. М.В. Ломоносова, 2011 г.), Международная конференция «XIV Невские чтения» (Санкт-Петербург, Невский институт языка и культуры, 2012 г.), Международная конференция «Русский язык в контексте национальной культуры» (II – Саранск, МГУ им. Н.П. Огарева, 2012 г., III – Саранск, МГУ им. Н.П. Огарева, 2014 г.), Всероссийская научная конференция «Фразеологические единицы как элемент языковой картины мира» (Курган, КГУ, 2015 г.), Международная научная конференция молодых учёных (V – Самара, СамГУ, 2015 г., VI – Самара, СамГУ, 2016 г.), Международная научная конференция «Svět v obrazech a ve frazeologii. World in Pictures and in Phraseology» (Прага, Карлов университет, 2016 г.), XVII Международная Бахтинская конференция «Идеи Михаила Бахтина и вызовы XXI столетия: от диалогического

воображения к полифоническому мышлению» (Саранск, МГУ им. Н.П. Огарева, 2021 г.)

По теме исследования опубликовано 12 работ, в том числе 4 статьи в изданиях, рекомендованных ВАК РФ.

Структура работы. Диссертационное исследование состоит из введения, четырёх глав, заключения, библиографического списка. Библиографический список содержит 331 наименование. Общий объём работы составляет 210 страниц.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во **Введении** обосновывается актуальность темы диссертационной работы, формулируются цель, задачи, предмет и объект исследования, обозначаются методы исследования; характеризуются степень разработанности проблемы, научная новизна, теоретическая и практическая значимость работы; формулируются положения, выносимые на защиту; представляются сведения об апробации результатов диссертационного исследования.

В **главе 1 «Современное изучение фразеологии»** описываются основные подходы к изучению фразеологии и выделению ФЕ, авторской фразеологии как одного из основных направлений изучения фразеологии, разработке и реализации теории семантического поля, к рассмотрению ключевых слов и ФСГ в тексте, к проблеме трансформации фразеологии, описываются исследуемые учёными функции ФЕ в художественном тексте.

В **разделе 1.1** ***«Основные подходы в изучении фразеологии»*** описаны разработанные в рамках как системно-структурной, так и антропоцентрической парадигм языкознания подходы к определению границ фразеологии, фразеологизма и его признаков. В нашей работе в рамках широкого понимания границ фразеологии основными признаками ФЕ считаются устойчивость, воспроизводимость, раздельнооформленность компонентов, целостность значения (неделимость), образность, экспрессивность, способность сочетаться со словами. Фразеология понимается как наука, изучающая устойчивые обороты речи, а также как вся

совокупность устойчивых единиц; термины фразеологизм и ФЕ используются как синонимы в значении «относительно устойчивое, воспроизводимое экспрессивное сочетание лексем, обладающее (как правило) целостным значением» [Мокиенко 1989: 5].

В **разделе 1.2** ***«Авторская фразеология как предмет научного исследования»*** анализируются научные подходы к оценке и анализу авторской фразеологии. Описаны классификации фразеологических окказионализмов, создаваемых вследствие семантических (семантико-стилистических и структурно-семантических) трансформаций, фразеологизации и дефразеологизации. Актуализируется использование термина «интертекстема» (В.М. Мокиенко, К.П. Сидоренко) как появления новых смыслов за счёт изменения семантики.

Рассматриваются признаки выделения авторских (индивидуально-авторских) фразеологизмов. В качестве таковых в нашей работе использованы их индивидуальность (т. е. творение конкретного автора), зависимость от контекста, образование по модели узуальных фразеологизмов, экспрессивность.

В **разделе 1.3** ***«Теория семантического поля»*** приведены основные положения теории сематического поля. Выделена возможность включения в семантическое поле наряду с лексическими единицами и ФЕ и дальнейшая возможность дифференцированного рассмотрения лексико-семантического и фразеосемантического полей (далее – ФСП). Внутри ФСП выделяются ФСГ, наполняемые за счёт общности семантического признака и под влиянием контекста.

В **разделе 1.4** ***«Фразеологизмы как ключевые знаки в тексте»*** рассмотрены возможности ФЕ становиться содержательными доминантами текста, организующими метатекст. Ключевые слова, отражая авторскую интенцию и маркируя креативность языковой личности писателя, служат средством создания сюжета произведения и являются основой художественного текста.

В **разделе 1.5 «Функции фразеологических единиц в художественном тексте»** рассмотрены различные теории функций ФЕ. В работе мы выделяем

общеязыковые и речевые функции ФЕ, относя к языковым номинативную, сигнификативную (дифференцирующую), синтаксическую, символическую и кумулятивную; а к речевым – обобщающую, оценочно-характеризующую, экспрессивно-образную, эстетическую, фатическую и стилеобразующую.

Во **второй главе «Фразеология драмы А.Ф. Писемского “Горькая судьбина”»** в **разделе 2.1** ***«Основные аспекты лингвистического изучения драматургии А.Ф. Писемского»*** представлен обзор исследований языка его произведений в целом и драмы «Горькая судьбина», в частности.

В **разделе 2.2** ***«Фразеосемантические группы в драме А.Ф. Писемского “Горькая судьбина”»*** описаны ФСГ в речи персонажей драмы. Выявляются фразеосемантические доминанты, которые играют важную роль в актуализации отношений между героями в разных ситуациях драматического действия, существенно дополняют характеристики персонажей, определяют идейно-художественный пафос драмы, отражают мировоззренческие установки не только персонажей, но и русского крестьянства предреформенной России в целом, участвуют в образовании нравственно-этической парадигмы произведения.

Исследуются макрогруппы выявленной фразеологии (всего 114 единиц), номинирующие базовые значения: «характеристика явлений и ситуаций», «свойства и качества характера человека» и «эмоции и чувства человека».

В качестве речевых доминант – характеристик явлений и ситуаций использованы следующие макрогруппы: ***Бог*** – 17 ФЕ (*бог соединил*, *бог наградит, ни бога, ни совести, как перед богом, так и перед вами, помоги только бог, на суд Господень*), вербализующих идею Бога как всесильного начала, способного наказывать и помогать; ***народ–мир*** – 14 ФЕ (***на миру*** *слова не давал мне сказать,* ***при всем народе*** *говорю*), передающих осознание персонажами драмы не просто публичности действий, совершаемых ими или над ними, но и традиционной ценности мнения крестьянской общины, а также характер внутрисемейных отношений (*показывая* ***при людях*** *к ней ласковость и доброту, ты мучил ее*

ревностью…); ***семья–закон*** – 6 ФЕ (*муж глава своей жены, дело в церкви петое, жить по закону*), транслирующих в речи Анания Яковлева требование следовать закону Божию как единственному нравственно-этическому мерилу.

Свойства и качества характера человека передают 11 ФЕ, которые условно объединяются в макрогруппу ***гордость*** и вербализуют самооценку Анания и оценку его членами семьи и деревенским сообществом (*из души гордый, выше всех себя полагает, гордость тоже враг человеческий*). Показательно, что отношение Анания к жене-изменнице и её ребёнку, транслируемое ФЕ *змея подколодная, хуже дохлой собаки, поганое отродье*, является ярким проявлением и одновременно следствием именно этой черты его характера.

В **разделе 2.3** ***«Эмотивная фразеология во фразеосемантической системе драмы А.Ф. Писемского “Горькая судьбина”»*** проанализирована наиболее многочисленная макрогруппа «эмоции и чувства человека» (48 ФЕ). Эмотивная фразеология используется как средство трансляции эмоций и переживаний героев, в подавляющем большинстве – негативных.

В речи Анания представлены ФСГ ***стыд*** (*со стыда, стыда людского обегаючи, страм выходит*); ФСГ ***гнев–отчаяние*** (*внутренняя облилась черной кровью, до худова довести, не выводи из терпенья, не раздражай сердца, души не хватает*); ФСГ ***отчаяние–обида*** (*истерзаючись всем сердцем моим*); ФСГ ***гнев–злость*** (*голос захватывает)*; ФСГ ***гнев–страдание*** (*гнев срывал, не сдерживал себя, ад кромешный разверзся*); ФСГ ***страдание–отчаяние*** (*со слезами на очах, слезно и на коленях прошу*); ФСГ ***раскаяние*** (*мой грех больше всех, помоги бог, земно кланяюсь, не помяните лихом, смертные муки, грешная душа*).

Анализ показывает, что главная эмоция, которая движет Ананием, – это стыд перед «миром». ФЕ передают динамику эмоционального состояния героя: от высокой самооценки гордого, крепко стоящего на ногах человека (*Сказывали тоже наши мужички, как он* ***блюдет себя*** *в Питере: из звания своего никого, почесть,* ***себе и равного не находит****…*[482]) через злость и гнев, вызванные известием об

измене жены, и стыд за попранную в глазах крестьянского мира честь и гордость (*В жизнь свою, господи, никогда* ***не чаял такой срамоты и поруганья****…какой-нибудь теперича дурак..,* ***гроша не стоящий****, мог меня* ***обнести*** *своим* ***словом****, теперь ступай да кланяйся по всем избам…* [494]), к отчаянию в ситуации открытого ухода жены из дома (***Слезно и на коленях прошу*** *вас, обстойте меня хоша сколько-нибудь и не* ***доводите*** *меня* ***до последнего****. Бог вас наградит за то...* [522]).

В развязке драмы герой «карает в себе гордеца» (И.Ф. Анненский), и раскаяние его в убийстве ребёнка Лизаветы акцентировано ФЕ, отражающими традицию исповеди и покаяния на миру, когда община осознаётся судьей и блюстителем нравственных основ жизни: *Простите меня, христиане православные! <…> Еще раз* ***земно кланяюсь****:* ***не помяните*** *меня окаянного* ***лихом*** *и помолитесь о моей* ***душе грешной****!* [538].

В речи Лизаветы ключевые ФСГ транслируют чувства женщины, обречённой жить с нелюбимым мужем и готовой поступиться честью ради любви: ФСГ ***страдание*** и ***отчаяние–горе*** (*слезами обливаешься, изныла душенькой, подвалит под сердце, смерть пришла, словно живую в землю закопали*, *пропала головушка*), ФСГ ***безразличие*** (*голова повинна и с сего дня лежит на плахе, ваша воля надо мной, не по своей то воле*); ФСГ ***стыд/потеря чести*** (***Честь мою девичью*** *мне легче бы было* ***кинуть*** *разбойнику в лесу, чем ему… а что* ***стыд*** *теперь всякой свой* ***потеряючи****, при всем народе говорю, что барская полюбовница есть* [522]); ФСГ ***любовь–привязанность*** (*всем сердцем пристрастна*).

В драме выявлены фразеологические окказионализмы: грамматические трансформации ФЕ (*гроша не стоящий* – узуал. *гроша не стоит*, *стыд потеряючи* – узуал. *стыд потерять*), лексические трансформации ФЕ (*довести до худова* – узуал. *довести до крайности/гибели/греха*, *подвалит под сердце* – узуал. *подступает к сердцу / под сердце, хуже дохлой собаки* – узуал. *как собака*). Они контекстуально усиливают коннотацию (в основном отрицательную) узуальных фразеологизмов, реализуют дополнительные эмотивные и оценочные смыслы.

В **разделе 2.4** ***«Функции фразеологических единиц в драме А.Ф. Писемского “Горькая судьбина”»*** описаны наиболее характерные для фразеологии драматурга функции: *кумулятивная*, которая состоит в воссоздании с помощью ФЕ национально-языковой картины мира, отражении нравственно-этических идеалов, культурных традиций и обычаев русского крестьянства в предреформенный период; *оценочно-характеризующая*, реализуемая ФЕ, которые передают положительное/отрицательное отношение персонажей друг к другу, представляют характер героя в его самооценке и в восприятии других персонажей; *экспрессивно-образная*, посредством которой вербализуются чувства, эмоции персонажей, в основном негативные, создаётся особая напряжённость в развитии драматического действия и подтверждается характеристика «Горькой судьбины» как драмы «страстей и “открытых” жестоких конфликтов», развязывающих «стихийные эмоции» (Л.М. Лотман). Эмотивная фразеология передаёт не только изменение эмоционального состояния героев, но и особенности внутрисемейных, общинных, социальных отношений (барин – крестьяне, судебные чиновники – крестьяне), отражает особенности речи крестьянства середины XIX века. Всё это приводит к выводу об активной роли эмотивных ФЕ в создании идиостиля драматурга и позволяет определить *функцию трансляции эмоций и переживаний героев* как специфическую в функциональном потенциале фразеологии драмы.

В **третьей главе «Фразеология драмы А.Н. Островского “Гроза”»** в **разделе 3.1** ***«Основные аспекты лингвистического изучения драмы А.Н. Островского “Гроза”»*** представлен обзор изученности языка драмы.

В **разделе 3.2** ***«Фразеология как объект лексикографического описания в деятельности А.Н. Островского»*** рассмотрена деятельность А.Н. Островского как лексикографа. Отмечены его участие в организованной Морским министерством «литературной» экспедиции 1856–1857 гг. для изучения быта занятых рыболовством поволжских жителей и составления на этом материале статей для «Морского сборника», а также его работа по сбору и составлению

«Опыта волжского словаря», ставшего источником словаря русского народного языка. Всё это подтверждает осознанное использование драматургом лексики и ФЕ как средств наиболее адекватного и яркого отражения народного языка.

В **разделе 3.3** ***«Ключевые фразеосемантические группы в драме А.Н. Островского “Гроза”»*** представлены ключевые ФСГ (217 ФЕ), посредством которых овнешняются мировоззренческие установки персонажей и транслируются основные идеи драмы. В результате выявления наиболее частотных лексем выделены следующие ключевые ФСГ:

ФСГ ***Бог/Господь*** – 43 ФЕ, которые используются и как клишированные сочетания, выполняющие охранительную, ритуальную функцию (*сохрани господи, Бог с ним*, *Бог с тобой*, *не дай бог, Сохрани господи*), и как средства передачи различных чувств и эмоций, например, усиленную просьбу (*ради бога*), отчаяние (*Боже мой!*), радость, надежду (*слава богу),* равнодушие (*бог с ними*);

ФСГ ***душа*** – 15 ФЕ, использованные в основном в речи Катерины для вербализации сакральности этого понятия, осознания ею греховности своего чувства к Борису и невозможности раскаяться в нём, а значит, утраты бессмертного начала, связующего человека с Богом (*ведь он* ***камнем ляжет на душу****; уж* ***душу свою*** *я ведь* ***погубила***). В речи других персонажей сакральность понятия утрачивается, что подчёркнуто драматургом, заменившим компонент *душа* в составе ФЕ *нутренную разжигать станет, нутренную вот разжигает, не по нутру* в речи Дикого и Кабанихи более «физиологическим» компонентом;

ФСГ ***воля–неволя*** – 35 ФЕ, которые формируют смысловую оппозицию драмы, разделяя героев на стремящихся обрести волю или подчинить волю другого себе. Так, в речи Катерины они передают её восприятие жизни до замужества (*точно птичка на воле*) и после замужества (*здесь все как будто из-под неволи, кабы моя воля, нет у меня воли, как запрут на замок*), в речи Тихона – его безволие, неспособность принятия решений (*из вашей воли ни на шаг, на все есть ваша воля*), в речи Кабанихи – стремление добиться подчинения и сына, и невестки «старине»,

домостроевским устоям, составляющим её нравственно-поведенческие ценности (*на свою волю хотят*, *поживете и на воле, куда воля-то ведет*), в речи Бориса – двойственность самоощущения героя (*не по своей я воле еду, я – вольная птица*);

ФСГ ***жестокость–самодурство*** – 35 ФЕ, которые вербализуют черты характера и мотивы поведения калиновцев, например, самодурство Дикого (*захочу – помилую, захочу – раздавлю; наломается над нами, пикнуть не смей*), стремление к подавлению чужой воли Кабановой (*поедом ест, проходу не дает, змеей смотрит, мать проходу не дает, со свету сживает*), а также авторскую оценку общей атмосферы жизни купеческого Калинова, транслируемую в речи Кулигина (*живого проглотят, пискнуть не смели, в гроб вколотят*);

ФСГ ***сердце*** – 20 ФЕ, которые передают эмоции персонажей: от тревоги (*сердце упало*), отчаяния (*не тирань ты моего сердца*) до чувства вины за грех (*сердце болит, сердце изорвалось*) в речи Катерины; волнение и радость от предстоящей встречи у Бориса (*бьется сердце, сердце глупое раскипится*);

ФСГ ***любовь/страсть*** – 7 ФЕ, которые использованы в основном в речи Катерины и передают все этапы развития чувства любви – от зарождения и постепенного осознания до открытой его манифестации (*из головы нейдет, стоит перед глазами, люблю до смерти*), а также представляют форму обращения к Борису (*радость моя, жизнь моя, душа моя, друг мой*).

В драме выявлены различные типы окказиональной фразеологии, цель которой – уточнение контекста и усиление его эмоциональной составляющей: грамматические трансформации (*сердце изорвалось* – узуал. *сердце рвется*, *мыслей не соберу* – узуал. *собраться с мыслями*), лексические трансформации (*просвету не видеть* – узуал. *просвету нет, достался на жертву* – узуал. *приносить / предавать, обрекать, отдавать кого-либо в/на жертву*), контаминированные ФЕ (*из вашей воли ни на шаг* как соединение ФЕ *ваша воля*, *выходить/выйти из воли* и *ни на шаг*, *грех камнем ляжет на душу* как соединение ФЕ *брать грех на душу* и *ложиться*

камнем на душу/сердце). Этот вывод соотносится с определением А.Г. Ломовым отношения драматурга к трансформации ФЕ как «весьма осторожного».

В **разделе 3.3.2** ***«Фразеология как маркер движения сюжета в драме»*** выявлены и описаны ФЕ – ключевые знаки, маркеры движения сюжета в драме, что способствует новому прочтению и интерпретации произведения.

В ходе анализа ФЕ с ключевыми лексемами ***грех, беда, смерть*** (или связанных с этим понятием) обнаружено последовательное, от действия к действию, насыщение ими речи персонажей.

ФСГ ***грех*** – 29 ФЕ, транслирующих осознание Катериной возникшего и растущего чувства к Борису и – вместе с ним – его греховности и невозможности раскаяния: (Действие 1, явление 7) ***быть греху*** → (Действие 1, явление 7) ***грех*** *у меня* ***на уме****!* ***Не уйти*** *мне* ***от*** *этого* ***греха****…* → (Действие 3, явление 3) *ведь мне* ***не замолить*** *этого* ***греха****! Ведь он* ***камнем ляжет на душу****, камнем!* → (Действие 3, явление 3) ***греха не побоялась*** → (Действие 5, явление 3) Кабанов: *Казнить-то тебя, – говорят, – так с тебя* ***грех снимется****, а ты* ***живи да мучайся*** *своим* ***грехом****.*

ФСГ ***беда*** – 17 ФЕ, семантически тесно связанных с осмыслением понятия «грех» и передающих предчувствие трагедии и Катериной, и другими персонажами: (Действие 2, явление 4) ***Быть беде*** *без тебя!* ***Быть беде****!* → (Действие 2, явление 10*) Долго ли* ***в беду попасть****!* → (Действие 3, сцена 1, явление 3) Борис: *... ее-то* ***в беду введешь****.* → (Действие 3, сцена 2, явление 2) Кудряш: *Только вы …да и ее-то* ***в беду не введите****!* → (Действие 5, явление 2) *За что я его* ***в беду ввела****?* → *(Действие 5, явление 3)* ***На беду*** *я увидала тебя.*

ФСГ ***смерть*** – 16 ФЕ, из которых 11 в речи Катерины вербализуют смерть как единственный выход для героини: *(Действие 1, явление 7) от тоски что-нибудь* ***сделаю над собой****!* → *(Действие 2, явление 10) Мне* ***хоть умереть, да увидеть*** *его* → *(Действие 3, сцена 2, явление 3) Нет,* ***мне не жить****!* → *(Действие 5, явление 4*) *Нет, мне* ***что домой, что в могилу*** *— все равно. <…> В могиле лучше...*

Таким образом, использование этих ФЕ продиктовано стремлением драматурга не просто передать состояние героини, но и маркировать для читателя движение сюжета к трагической развязке.

В **разделе 3.4** ***«Функции фразеологических единиц в драме А.Н. Островского “Гроза”»*** описаны *экспрессивно-образная* функция выражения чувств и эмоций персонажей; *оценочно-характеризующая* функция передачи отношения героев друг к другу и к ситуациям, складывающимся в ходе развития драматического действия; *сюжетообразующая* функция организации текста и акцентируемых автором эпизодов, которая является специфической для идиостиля драматурга. Все они подчинены *стилеобразующей* функции. ФЕ, участвуя в трансляции авторских идей, текстопостроении и сюжетообразовании, формируют особенности идиостиля А.Н. Островского.

В **четвёртой главе «Фразеология трилогии А.В. Сухово-Кобылина “Картины прошедшего”»** в **разделе 4.1** ***«Основные аспекты изучения трилогии А.В. Сухово-Кобылина “Картины прошедшего”»*** проводится обзор посвящённых творчеству драматурга исследований, определяется их междисциплинарный – философский, театроведческий, литературоведческий и лингвистический – характер, выявляется доминирующий интерес к анализу жанрового синкретизма трилогии и средств его формирования и отсутствие монографических лингвистических исследований языка трилогии.

В **разделе** ***4.2 Ключевые фразеосемантические группы в трилогии А.В. Сухово-Кобылина “Картины прошедшего”»*** на основе анализа 388 ФЕ выделяются 10 ФСГ с ключевыми словами *Бог, бедность, душа, смерть, страдание, общество/свет, свадьба/женитьба, честь, игра* и выявляется их соотнесённость с речью конкретных персонажей. Для характеристики Лидочки, Атуевой, Сидорова и Нелькина определяющими становятся ФЕ с ключевым слово *Бог*, для Кречинского – *игра* и *суд*, для Расплюева – *душа, Бог* и *смерть*, для Варравина – *Бог* и *страдание*:

Бог – 98 ФЕ, которые, утрачивая связь с религиозным чувством говорящего, чаще всего приобретают междометный характер (*Боже мой*) и реализуют эмотивную функцию, однако во 2-й части трилогии, маркируя трансформацию образа персонажа, обозначают, например, изменение духовно-нравственных ценностей Лидочки (*и **молюсь Богу**, чтобы он сохранил мне вас цела и здрава… **Бог** милосерд, он мою молитву видит да вас своим **покровом и покроет*** [77]);

бедность – 30 ФЕ (*оберет как липку*, *пойдем опять по миру,* авторская ФЕ *гольем шитые, мишурою крытые; копейку заручить на черный день*) чаще всего используются в речи чиновников для передачи их боязни бедности и стремления всеми доступными способами «обеспечить» себя;

страдание – 20 ФЕ (*в сердце ранен, добром не кончится, сердце ноет*, *ценою крови, испил я из рук его чашу*) включены как в речь жертв судебного произвола Муромского и Лидочки, так и в речь ведущих это дело чиновников;

душа – 22 ФЕ, которые теряют связь с сакральностью базового понятия и, включённые, например, в речь Расплюева *душа бессмертна*, *отведите душеньку, душу отведешь* в сцене его раблезианского чревоугодия, создают эффект фантасмагоричности происходящего. ФЕ *душонку отдаст*, *душу выну* в речи Варравина передают его жажду подавления и жестокость в достижении цели, и хотя ФЕ *на дне души* (*Я оскорблен, оскорблен **на** самом сокровеннейшем **дне** моей **души**, а вы мне не даете сколько-нибудь облегчить себя!..* [159]) сохраняет связь с сакральностью понятия *душа*, но использована она драматургом как элемент «чужой речи» в сцене шантажа Тарелкина переодетым Варравиным;

смерть – 22 ФЕ (*все с голоду мрут, дух испустить, лежит себе вверх брюшком и лапочки сложил, бренное твое тело до могилки проводить*), большая часть которых связана с мнимой смертью Тарелкина и трансляцией отношения к этому событию других персонажей;

общество/свет – 14 ФЕ, которые в основном характеризуют речь Атуевой, в первой части трилогии маркируют важность для неё мнения высшего общества

(*свет того требуют*, *в высшем обществе, светский человек, из высшего общества*), а во второй – трансформацию её взглядов (*Ну где она **в свете** правда? Где вы ее найдете?* [120]). В речи Муромского они передают его иронию по отношению к «свету» (*Посередь-то **высшего общества** не сесть бы в лужу* [13]);

свадьба/женитьба – 13 ФЕ, которые в речи Атуевой отражает её оценку замужества Лидочки как хорошей партии (*не сидеть же девочке в углу, свяжите по рукам и по ногам*, *в девках сидеть*); в речи Муромского – любовь к дочери (*первому встречному ее и нацепить на шею*, *не за козла же ее выдать*, *за человека выдать*). В речи Кречинского использованы ФЕ *замуж отдают* с безоценочной семантикой и ФЕ *делать партию*, узуальная семантика которого «брак, но более по расчету, по видам» (В.И. Даль) трансформируется в монологе героя и становится метафорой выигрышной карточной игры, выходя за пределы анализируемой ФСГ;

честь – 12 ФЕ, которые, за исключением этикетной формулы *честь имею представить*, вербализуют качества человека, аксиологически значимые и для Муромского (*честь в свете, честь в комок сомнете, потеряли честь*), и для Кречинского (*Он думает, что я красть хочу, что я вор. Нет, брат: мы еще **честью дорожим*** [40]). В речи Варравина трансформация пословицы *И честь не в честь, коли нечего есть*, напротив, передаёт отсутствие моральных принципов – ***хочешь честь или хочешь есть***;

игра – 8 ФЕ в речи Кречинского и Расплюева (терминосочетание карточной игры *записать в книгу*; ФЕ *бубновый туз на спине*; *Какой я дворянин? Все это пустяки, ложь презренная. **Пиковый король** в дворяне **жаловал** – вот-те и все* [43]). На авторский характер последнего фразеологизма указывает вхождение в НКРЯ: *Потом уж разузнали, что граф был липовый и что в графы его, как в «Свадьбе Кречинского» говорится, «пиковый король жаловал»*. [В.А. Гиляровский. Друзья и встречи / Ученик Расплюева (1934)]).

На основе анализа ключевых ФСГ трилогии описаны основные функции фразеологии: *экспрессивно-образная* функция трансляции эмоций и чувств

персонажей; *оценочно-характеризующая* функция создания речевого портрета персонажа и характеристики образа; *сюжетообразующая* функция демонстрации перехода персонажей из одного образа в другой, например, если речь мелкого мошенника Расплюева в первой части трилогии драматург насыщает эмотивной фразеологией с семантикой страдания (*Господи Боже! как* ***томит сердце****!..* ***ноет*** *как! <…> Детки мои!* ***голы вы, холодны****...* [44]), то превращение его в судебного чиновника вербализуется юридической терминологией, ФЕ и метафорами (*Я следователь, я!.. Строжайшее* ***следствие*** *буду* ***производить*** *я! <…> Все мышиные норки, все лазейки буду* ***выворачивать наружу*** *– я. Гм… а давно ли по этим лазейкам и норкам сам я* ***свету Божьего бегал****… вот этих петличек (указывает на свои петлички) дрожал – а таперь меня дрожать будут!..* [173]); *стилеобразующая* функция, проявляющаяся в отборе соответствующей фразеологии.

Сделан вывод об активности трансформации фразеологии как авторского приёма, приводящего к изменению содержания и функций ФЕ, и возможности рассмотрения фразеологии в контексте создания гротеска – одной из основных характеристик жанра трилогии. Как средства включения фразеологии в создание гротеска в работе рассмотрены разноречие (96 ФЕ) и трансформация ФЕ (46 ФЕ).

В **разделе 4.3** ***«Фразеология как средство создания разноречия в трилогии А.В. Сухово-Кобылина “Картины прошедшего”»*** описываются содержание термина «разноречие» в теории романного слова М.М. Бахтина, постановка в статье И.А. Бабенко проблемы лексических средств создания гротеска в «Смерти Тарелкина» [Бабенко 2009].

В трилогии выявлены контексты создания разноречия в речи каждого персонажа путём объединения высокой, устаревшей, библейской фразеологии с просторечием, вульгаризмами, карточными и чиновничьими жаргонизмами, судебно-правовыми и научными терминами. Именно так драматург реализует стратегию гротескного представления мира своих героев.

Например, в речи Кречинского, цинично просчитывающего перспективу женитьбы на богатой наследнице как единственную возможность спастись от кредиторов: *Ведь это целый миллион* ***в руку лезет****. Миллион!* ***Эка сила! форсировать или не форсировать – вот вопрос****! (Задумывается и расставляет руки.) Пучина,* ***неизведомая пучина****. Банк!* ***Теория вероятностей*** *– и только. Ну, а какие здесь вероятности? Против меня: папаша – раз; хоть и тупенек, да* ***до фундаменту охотник****. Нелькин – два. Ну этот, что говорится,* ***ни швец, ни жнец, ни в дуду игрец****. Теперь за меня: вот этот* ***вечевой колокол*** *– раз; Лидочка – два и ... да! мой бычок – три. <…> Берегись старика; остальное* ***пойдет как по маслу****...* [22-23], – столкновение разностилевых ФЕ (книжная *вечевой колокол*, разговорные *лезть в руку, как по маслу*), просторечной конструкции *эка сила!*, научного термина *теория вероятностей,* пословичного выражения *ни швец, ни жнец, ни в дуду игрец*, трансформированного библеизма *неизведомая пучина,* интертекстемы *форсировать или не форсировать – вот вопрос* создаёт атмосферу гротеска.

В **разделе 4.4** ***Трансформация фразеологии в системе средств создания гротеска в трилогии А.В. Сухово-Кобылина “Картины прошедшего”»*** выявлены и описаны различные типы трансформации фразеологии (46 ФЕ), используемые драматургом для создания перевёрнутого мира: грамматическая (*задавать тоны* – узуал. *задавать тону*, *штуки отливали* – узуал. *отливать штуку*, *каковы гуси* – узуал. *каков гусь*), лексическая (*задать дрессировку* – узуал. *задать трепку*, *не за козла же ее выдать* – узуал. *любовь зла, полюбит и козла*), дефразеологизация (*этакого ближнего любить не будешь; блудно расточающего родовое имение дворянина*); переосмысление интертексем (*он карбонарий, он ничего не признает* о чиновнике Шило, который мешает Тарелкину получить «достойную» взятку).

Рассмотрены библейские интертекстемы, большинство из которых в результате переосмысления становятся характеристикой чиновничьей и судебной системы, например: Иван Сидоров. *Для вас я готов и в огонь и в воду – и к* ***Ваалову-то Идолу*** *и к нему пойду. /* [Муромский:] *... Кто ж это.* ***Идол-то Ваалов****? /* Иван

Сидоров. *А кумир-то позлащенный, чиновник-то, которому поклониться надо!* [80] (переосмысление образа требовавшего человеческих жертвоприношений восточного божества); Варравин. *Ведь придет теперь проситель, точно* ***овца Господня****; что ты хочешь, то с ним и делай* (отсылка к библеизмам – символам принесшего себя в жертву Иисуса Христа: *агнец Божий* и *идти яко овца на заклание*); Иван Сидоров. *(тихо, Атуевой) И предаст тя соперник судии. /* Тарелкин. *А я отдам столоначальнику. /* [Иван Сидоров:] *И предаст тя судия слузе…* Тарелкин. *Вот вы туда же и попали… /* Иван Сидоров. *(покачав головою, тихо Атуевой)* ***Не изыдеши оттуда, дондеже не отдаси последний кодрант*** [105] (постулируемая в Нагорной проповеди необходимость досудебного примирения между тяжущимися в сцене судебного разбирательства переосмыслена в предопределённость дачи взятки).

В **разделе 4.5** ***«Функции фразеологических единиц в трилогии А.В. Сухово-Кобылина “Картины прошедшего”»*** определяются как основные в трилогии *экспрессивно-образная*, *оценочно-характеризующая*, *сюжетообразующая* и *стилеобразующая* функции ФЕ. Как специфическая функция, реализуемая большой частью ФЕ (142 из 388), определяется их участие в создании гротескного образа, гротескной ситуации и в целом гротеска как жанровой характеристики трилогии.

В Заключении содержатся основные результаты, выводы, намечаются перспективы исследования. Фразеология в драмах А.Ф. Писемского, А.Н. Островского, А.В. Сухово-Кобылина представлена в большом объёме. Она максимально ярко передаёт живую разговорную речь купечества, крестьянства, чиновничества XIX века, выполняет функцию кумуляции мировидения народа, его культурных традиций, эталонов и стереотипов материальной и духовной жизни.

В каждом из анализируемых произведений фразеология реализует различные функции, среди которых экспрессивно-образная, оценочно-характеризующая, кумулятивная, номинативная, сюжетообразующая, стилеобразующая функции, функция речевой характеристики персонажей.

Во всех произведениях фразеология, выступая в качестве сильной позиции текста, выполняет специфические, характерные именно для данного текста функции: участие в создании эмотивности – в драме «Горькая судьбина» А.Ф. Писемского, маркирование развития сюжета – в драме «Гроза» А.Н. Островского, создание гротеска – в трилогии «Картины прошедшего» А.В. Сухово-Кобылина.

Основные положения диссертации отражены в следующих публикациях:

научные статьи, опубликованные в ведущих изданиях, рекомендуемых ВАК Министерства науки и высшего образования РФ:

1. Филей (Левинова) Т.В. Прецедентные феномены в драме А.Н. Островского «Гроза» // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2020. № 2. С. 306–312.

2. Левинова Т.В. Эмотивная фразеология в драме А.Ф. Писемского «Горькая судьбина» // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2016. № 10 (64), ч. 2. С. 111–113.

3. Левинова Т. В. Фразеология как средство создания образа персонажа в драматургии А.В. Сухово-Кобылина // Знание. Понимание. Умение. 2015. № 2. С. 350–357.

4. Левинова Т.В. Фразеология с ключевыми словами бог, грех, беда, смерть в драме А.Н. Островского «Гроза» // Вестник НИИ гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия. 2014. № 1 (29). С. 146–156.

публикации в других изданиях:

5. Филей (Левинова) Т.В. Разноречие как способ создания гротеска в трилогии А.В. Сухово-Кобылина «Картины прошедшего» // Идеи Михаила Бахтина и вызовы XXI столетия: от диалогического воображения к полифоническому мышлению: материалы XVII Междунар. Бахтинской конф., г. Саранск, 5–10 июля 2021 г. [Электронный ресурс]. Саранск: Изд-во Мордов. ун-та, 2021. Режим доступа: https://bakhtin.mrsu.ru/wp-content/uploads/2021/12/Материалы-XVII-Международной-Бахтинской-конференции.pdf

6. Киржаева В.П., Левинова Т.В. Фразеология в русской драматургии середины XIX века // Svět v obrazech a ve frazeologii // World in Pictures and in Phraseology. Praha: Univerzita Karlova, Pedagogická fakulta, 2017. С. 117–128. (авторский вклад 72%).

7. Левинова Т.В. Фразеологические единицы как приём создания образа персонажа (на материале драмы А.Ф. Писемского «Горькая судьбина») // Язык и репрезентация культурных кодов. VI Всероссийская научная конференция молодых учёных. г. Самара, 13–14 мая 2016 г. Материалы и доклады. Самара: Изд-во «Инсома-пресс», 2016. С. 51–54.

8. Левинова Т.В. Индивидуально-авторская фразеология как приём создания гротескного образа в драме А.В. Сухово-Кобылина «Дело» // Сборник материалов Всероссийской научной конференции «Фразеологические единицы как элемент языковой картины мира». Курган: Изд-во Курганского государственного университета, 2015. С. 63–67.

9. Левинова Т.В. Фразеологизмы библейского происхождения как средство отражения речевого облика героев А.В. Сухово-Кобылина // Язык и репрезентация культурных кодов. V Международная научной конференции научная конференция молодых учёных. г. Самара, 15–16 мая 2015 г. Материалы и доклады. Самара: Изд-во «Инсома-пресс», 2015. С. 39–42.

10. Левинова Т.В. Лексические особенности речи персонажей А.Н. Островского: социокультурный аспект // Гуманитарий: актуальные проблемы гуманитарной науки и образования. 2013. № 2 (22). С. 124–127.

11. Левинова Т.В. Вербализация концепта «душа» во фразеологии произведений А.Н. Островского (на материале драм «Гроза», «Бесприданница», «Не все коту масленица») // Актуальные проблемы современной науки // Материалы Международной научно-практической сессии «XIV Невские чтения». 23–28 апреля 2012 г. СПб.: Скифия-Принт, 2012. С. 217–220.

12. Левинова Т.В. Трансформация домостроевских постулатов во фразеологии драмы А.Н. Островского «Гроза» (Тезисы) // Материалы Международного молодежного научного форума «ЛОМОНОСОВ-2011». М.: МАКС Пресс, 2011. С. 446–447. [Электронный ресурс]. https://lomonosov-msu.ru/archive/Lomonosov_2011/structure_28_1316.htm